

Российский космос: история и современность

УДК 629.78

Бальш А. Н.

РАКЕТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ В СССР В 40 – 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА: У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ АЭРОКОСМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА...

Конец XIX – начало XX вв. стал тем временным отрезком, когда в России, США и странах Западной Европы появились пока еще немногочисленные энтузиасты-одиночки, стремившиеся к постижению тайн Галактики путем создания межпланетных реактивных кораблей. Со временем их разработки и исследования привлекли внимание военных специалистов, увидевших в проектируемых летательных аппаратах, в первую очередь, не средство межпланетного общения, а оружие, способное доставить на далекое расстояние полезный груз – заряд взрывчатого вещества.

Первой страной, попытавшейся воплотить в жизнь идею создания боевой реактивной ракеты дальнего действия, стала Германия. Лишенные, согласно условиям Версальского договора, возможности иметь тяжелую дальнобойную артиллерию, танки и боевую авиацию, немецкие военные ясно осознавали необходимость разработки для страны принципиально новых видов оружия нападения и устрашения. Между тем, после повсеместного снятия во второй половине XIX в. с вооружения европейских армий пороховых ракет малого радиуса действия, авторы Версальского договора не рассматривали всерьез возможность создания и использования дальнобойных боевых ракет. Поэтому ограничений на разработку ракетного оружия Версальским соглашением не налагалось. Данный фактор и стал тем катализатором, который поспособствовал бурному развитию в Германии этого вида вооружения в 30-40-е гг. XX века. Так, уже с 1935 г. у северного побережья Германии в районе рыбацкого поселка Пенемюнде (буквально «устье реки Пене») на острове Узедом в Балтийском море немцы начали строить обширный испытательный ракетный центр. Именно там в конце 1941 г. Вернер фон Браун приступил к стендовым огневым комплексным испытаниями своей ракеты А-4 (второе название – ФАУ-2). Ее первый удачный испытательный полет состоялся 3 октября 1942 г. – высота подъема составила 85 км. Ракета предназначалась для поражения удаленных целей с максимальной расчетной дальностью стрельбы 275 км. Ее масса равнялась 13,8 т, полезная нагрузка (масса боевого заряда) – 1000 кг ВВ. Промышленное производство А-4 развернулось в центре Германии – в Тюрингии, в районе города Нордхаузен на подземном заводе «Миттельверк».

После разгрома фашистской Германии наработки специалистов Пенемюнде стали

достоянием союзников, что явилось мощным стимулом для активизации в их странах – в первую очередь, СССР и США – собственных ракетных программ. Эти программы появились в обеих странах на рубеже 20-30-х гг., но по темпам своего развития и реализации они в конце 30-х гг. резко отстали от немецкой ракетной программы.

Первым крупным шагом на пути освоения советскими специалистами немецкого ракетного опыта стало их ознакомление с ракетным центром Пенемюнде, куда наступавшие войска 2-го Белорусского фронта вступили 10 марта 1945 г. В мае того же года в центр была отправлена группа сотрудников НИИ-1 НКАП. Тогда же – 31 мая 1945 г. – ГКО СССР принял соответствующее постановление № 8823сс о вывозе из Пенемюнде в Советский Союз оборудования, материалов и образцов узлов немецких реактивных снарядов.

Первоначальный осмотр Пенемюнде дал возможность сразу же составить достаточно точное представление о том огромном объеме работ, которые проводились в Германии в области создания ракетной техники. Полученная информация позволяла также понять, что автоматически управляемые ракеты дальнего действия – это реальность, а само ракетное вооружение является перспективным оружием с огромным потенциалом. Соответственно, какому-то из советских наркоматов необходимо было брать на себя ответственность за разработку и производство нового класса вооружений. По своей конструкции, технологии производства, приборному и электрическому оборудованию ракеты были ближе всего к авиационной технике, и поэтому вполне естественным являлось то, что изначально ими стали заниматься специалисты НКАП. Значит, именно этот наркомат и должен был наметить и реализовать программу создания ракетного вооружения. Однако, нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин выступил категорически против: война выявила резкое отставание СССР от Германии в области реактивной авиации, и потому лучшие кадры и все ресурсы НКАП были брошены на преодоление данного отставания. Обременять наркомат еще и «ракетной» проблемой Шахурин не хотел и потому попытался взвалить ее на смежника – наркомат боеприпасов. Однако, наркому боеприпасов Б.Л. Ванникову так же было не до этого: его ведомство несло ответственность за разработку ядерной бомбы, а сам он стал заместителем председателя Специального комитета при ГКО (с сентября 1945 – при СНК СССР, с марта 1946 – при Совете Министров СССР), образованного постановлением ГКО СССР № 9887 20 августа 1945 г. с целью руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана.

Таким образом, летом 1945 г. в области развития ракетного вооружения в СССР складывалась парадоксальная ситуация: важность проблемы осознавалась многими, но заниматься ею конкретно никто не желал. Тем не менее, защитники у ракет все-таки нашлись:

ими стали те, кто хотел бы иметь ракеты на вооружении – т.е. сами военные и, в первую очередь, артиллеристы. В их число вошли начальник Главного артиллерийского управления маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, генерал-полковник (в будущем Главный маршал артиллерии) М.И. Неделин. Активнее же всех действовали представители Гвардейских минометных частей, быстро осознавшие все преимущества ракет дальнего действия над имевшимися в СССР на вооружении реактивными системами залпового огня. Возглавил процесс по активизации внимания всемогущественной иерархии партийно-государственного руководства Советского Союза к ракетному вопросу член военного совета Гвардейских минометных частей, генерал-майор артиллерии Л.М. Гайдуков. Именно по его инициативе и при поддержке Яковлева, Воронова и Неделина 8 июля 1945 г. вышло постановление ГКО № 9475сс об образовании межведомственной Специальной технической комиссии по сбору материалов и изучению немецкого опыта создания реактивной техники. Председателем комиссии назначался Гайдуков.

Уже в июле 1945 г. группа советских авиационных специалистов приступили к изучению и обследованию положения дел на заводе «Миттельверк» в Нордхаузене, активно привлекая к сотрудничеству немецких техников и инженеров, а также собирая всю возможную немецкую техническую документацию.

Осенью – зимой 1945 г. костяк группы советских сотрудников, работавших в Нордхаузене, по-прежнему составляли представители НКАП. Однако, все попытки руководства наркомата авиационной промышленности отозвать своих специалистов из Нордхаузена обратно в СССР и, тем самым, развалить все дело, руководствуясь своими внутриведомственными интересами, решительно пресекались председателем Специальной технической комиссии генералом Гайдуковым. Комиссия не только взяла под свою защиту занимавшихся в Германии ракетной тематикой советских специалистов, но наметила и уточнила дальнейшие направления в их деятельности.

Одновременно Гайдуков при поддержке представителей ГАУ продолжал активный поиск наркомата, готового взять на себя ответственность за реализацию советской ракетной программы. Под их влиянием к принятию положительного решения по данному вопросу все больше и больше склонялся нарком вооружений Д.Ф. Устинов. Для более глубокого изучения проблемы в начале 1946 г. в Нордхаузен отправился первый заместитель наркома В.М. Рябиков. Будучи опытным, внимательным и вдумчивым руководителем, Рябиков осознал, что с появлением ракет дальнего действия перед техникой вооружения появляются совершенно новые перспективы. В итоге, 17 апреля 1946 г. на имя Сталина поступила до-

кладная записка об организации научно-исследовательских и опытных работ в области реактивного вооружения в СССР на базе министерства вооружения (в 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства – А.Б.), составленная коллективно Л.П. Берией, Г.М. Маленковым, Н.А. Булганиным, Б.Л. Ванниковым, Д.Ф. Устиновым, Н.Д. Яковлевым. Положительное решение по данному вопросу было принято 13 мая 1946 г. Советом Министров СССР в его постановлении № 1017-419сс «Вопросы реактивного вооружения».

С января 1947 г. разработкой баллистических ракет стал заниматься НИИ-88 Министерства вооружения СССР. Большая часть работ в данной области велась входившим в его состав Отделом № 3 Специального конструкторского бюро (СКБ) НИИ-88 под руководством Главного конструктора баллистических ракет дальнего действия С.П. Королева. В апреле 1950 г. отдел был реорганизован в Опытно-конструкторское бюро в составе НИИ-88 (ОКБ-1 НИИ-88), которое в августе 1956 г. было выделено в самостоятельное предприятие, подчиненное непосредственно Министерству оборонной промышленности (впоследствии Государственный комитет по оборонной технике).

Уже весной 1957 г. С.П. Королев начал летно-конструкторские испытания первой советской МБР – Р-7 (СС-6) с максимальной дальностью полета 8 000 км. В 1960 г. она и ее модернизированный вариант Р-7А с максимальной дальностью полета 12 000 км были приняты на вооружение. Окончание работ по Р-7 и ее модернизированному варианту имело не только военно-стратегическое значение: на основе Р-7 возникли также и транспортные космические системы в виде двух-, трех- и четырехступенчатых ракет-носителей «Спутник», «Восток», «Союз» и «Молния». Таким образом, было положено начало и мирному освоению космоса.